

За горный щит уходит солнце  
От звезд, родящихся в ночи.  
Ну что ж!  
Оно взойдет завтра  
И широко прольет лучи!

## ЕКАТЕРИНА ДЖУГАШВИЛИ

### Детство Сосо

<Из воспоминаний матери И. Сталина>

<...> Сосо рано начал говорить. Помню каждое сказанное им слово. Увидев любой блестящий предмет, он по-своему агукал: «нда-а... дундала... нда». То есть заявлял, что он хочет «дундалу»<sup>1</sup>.

Ему очень нравились цветы, особенно васильки и ромашки. При виде ромашки им овладевало волнение, он размахивал ручонками и требовал: «зизи, нда, зизи». Так он называл ромашку.

Малыш любил и музыку. Мои братья Гио и Сандала хорошо играли на саламури<sup>2</sup>. Под настроение пели дуэтом. Сосо радовался безмерно.

Из птиц его особенно привлекала иволга. Он звал ее «гогия-гогия». Моя мать падала от усталости, нося его на руках по саду, чтобы показать «гогия-гогия» или дать насладиться пением соловья.

Мою радость от выздоровления ребенка омрачало пагубное пристрастие мужа — он стал часто выпивать. Близкие нам люди старались удержать его. Все напрасно. Мольбы мои и матери он полностью игнорировал. Пагубно влияли на него и покупате-

---

<sup>1</sup> По-грузински «минда» означает «хочу». Выговаривая только второй слог — «нда» — ребенок действительно выражал свое желание. Что касается слова «дундала», то этот набор звуков был произвольным. Им называл малыш блестящие предметы, которые, естественно, привлекали к себе его внимание.

<sup>2</sup> *Саламури* — грузинский духовой музыкальный инструмент типа свирели с 5–7 боковыми отверстиями. Материал: дерево, камыш, реже кость.

ли. Исполнение каждого заказа отмечалось магарычом<sup>1</sup>. Он и сам зазывал всех на чарку. Примерный семьянин на глазах превращался в выпивоху. Появилась дрожь в руках, ухудшилось качество работы. Он часто оставлял мастерскую на попечение подмастерья. Стал капризным, скандально непокорным.

Подружился с русским Фокой — бывшим каторжником. Хвалил его, считая умным человеком. Никто особого ума у Фоки не замечал, а вот то, что он любил от души выпить, знали все. Надо отметить, что, по сути, Фока был добрым человеком. Как-то раз канарейку принес в подарок Сосо. Нередко, взяв его на спину, скакал как лошадь по двору и громко хохотал. Мою мать он обложил оброком: за каждый визит просил чачу<sup>2</sup>, вино не признавал. Кончилось все печально. Фока окончательно спился, превратился в оборванца-попрошайку. Однажды в сильном подпитии свалился в снег и отдал богу душу. Плакивал и хоронил его Бесо в одиночестве, так как о покойнике больше некому было позаботиться.

О моем горе я рассказала братьям, потом крестному — Якобу. Ничего не помогло. Бесо спивался все сильнее. Мои братья решили поселить меня в комнате рядом с ними: мол, оставшись в одиночестве, Бесо, может быть, одумается. Так я вернулась туда, где жила до замужества. Но этим ничего не изменилось. Пьянки продолжались по-прежнему. По прошествии некоторого времени я переселилась еще дальше — сняла комнату в доме сельского священника Христофора Чарквиани.

Сосо рос чувствительным мальчиком. Услышав пьяное бормотание отца, он, со страхом прижавшись ко мне, просил укрыться у соседей от отцовского гнева. Семейные неурядицы наложили отпечаток на характере Сосо. Его печалило поведение отца. Он стал замкнутым, неразговорчивым, зачастую

---

<sup>1</sup> *Магарыч* — или могоарыч. Угощение с выпивкой, которое выставляется по заключении некоей сделки или выполнении некоей работы. Обычно магарыч ставит сторона, получившая прибыль. Имеет также оттенок взятки, может вымогаться за пустяковую услугу.

<sup>2</sup> *Чача* — крепкий спиртной напиток. Сырьем для его изготовления служат незрелые и прочие некондиционные гроздья винограда, а также отжимки, остающиеся после производства вина. Их перегоняют от одного до трех раз, получая виноградный спирт крепостью до 80 градусов и больше. После чего чачу разводят водой до требуемой нормы. Виноделы относят этот напиток к классу виноградных бренди.

избегал сверстников, его даже не прельщала любимая игра в «Арсена». От нашего подмастерья он узнал о подвигах Арсена и торопил меня научить его грамоте, чтобы поскорее самому прочесть об этом народном мстителе.

Я хотела отдать сына в духовное училище, однако отец думал по-другому. Он собрался обучить сына сапожному делу. Бесо занялся его профессиональным становлением и говорил, что в возрасте Сосо он уже слыл правой рукой своего отца.

Сосо опять подкосила болезнь. В том году в Гори свирепствовала оспа. Во многие семьи пришла беда. Наш крестный Якоб в один день потерял троих детей. У сына болезнь протекала в тяжелой форме, я была на грани отчаяния. Думала, если спасу от смерти, то от слепоты не смогу его уберечь. Слава богу, обошлось — я оказалась счастливой матерью.

Запомнился один случай той поры. На третий день болезни у Сосо был жар. Он впал в бред и вдруг заявил: покажите, мол, виновника моей болезни — Кучатнели. Бабушка обернула мутаку<sup>1</sup> одеялом и сказала внуку: вот твой Кучатнели. Сосо принялся топтать идола, наславшего на него недуг. Затем, успокоившись, уснул.

\* \* \*

Смертельная опасность миновала. Соседи поздравляли меня, предлагали посильную помощь. Бесо отстранился от семейных забот, строго наказав следить за питанием и здоровьем сына. Известно, что наказом сыт не будешь. Я ночи напролет проводила в слезах. Днем плакать не смела — слезы удручающе действовали на Сосо. Обняв сына и осыпая его поцелуями, пыталась утешить его. Окрепнув, Сосо заговорил об учебе. Этого же хотели я и моя мама. Мы мечтали, чтобы он получил духовное образование. Перед глазами стояли торжественные встречи епископов<sup>2</sup>, время от времени прибывавших сюда из Тби-

<sup>1</sup> *Мутака* — диванная подушка. Набитая шерстью или ватой, продолговатой, валикообразной формы, она очень удобна для опоры в полулежащем положении на тахте или просто на полу, устланном ковром.

<sup>2</sup> *Епископ* — лицо, имеющее третью, высшую степень священства, иначе говоря, архиерей. Епископ не только совершает все семь церковных таинств, но имеет власть через рукоположение передавать такое право другим. Посвящаемый в епископы избирается из монашеского духовенства и рукополагается исключительно другими епископами.

лиси. Шуршание риз<sup>1</sup>, звон колоколов очаровывали. Вот и мы мечтали видеть Сосо епископом.

Однажды завели разговор с Бесо: дескать, скоро сыну восемь лет, а он грамоте не обучен. Бесо был категорически против: хорошая профессия важнее грамоты; у него дела идут все хуже и хуже, поэтому сыну самое время быть рядом с отцом. Я взмолилась: стану прачкой, возьмусь за любую работу, только не лишай сына учебы. Бесо обиделся, настаивал, что отцу решать, что делать с мальчиком. Я возразила. Услышав нашу перебранку, Сосо расплакался. Слезы ребенка скандал предотвратили, но еще более убедили меня в своей правоте.

В осуществлении моей мечты большую роль сыграла семья священника Чарквиани, его старший сын Котэ. Он был усердным, тихим, воспитанным мальчиком. Его мать София относилась к нам с состраданием, вот я и попросила, чтобы она поручила Котэ заняться моим сыном. София любила нас. Всякий раз, стоило ей приметить захмелевшего Бесо, она, зная о его вздорном характере, спешила укрыть меня с сыном у себя дома. Вняв моей просьбе, она поручила Котэ взять опеку не только над его младшей сестрой и братом, но и над Сосо. Котэ энергично взялся за дело. Сосо проявил незаурядные способности. Букварь был освоен за неделю. Дальше дело пошло еще более успешно.

Близился сентябрь. Родители готовили детей к школе. София не оставляла в покое мужа-священника. Дело в том, что в те годы в духовные учебные заведения принимали только детей служителей культа и у нас возникли проблемы. Христофор Чарквиани оказался добрым и сметливым человеком. Он в свое время принимал участие в церемонии нашего бракосочетания, за что Якоб Эгнаташвили его щедро одарил. Да и Бесо на почве взаимных пристрастий быстро нашел с ним общий язык. Каждая новая пара обуви, пошитая им для Христофора, обязательно отмечалась магарычом. Священник уважил просьбу жены. Сам написал заявление, в котором назвал Бесо своим дьяконом и ходатайствовал о допуске на экзамены его сына. Хитрость удалась — Сосо вызвали на экзамены. Все испытания

---

<sup>1</sup> *Риза* — она же фелонь — парчовое облачение для богослужения. Является верхней одеждой священника, надеваемой поверх других одежд. Довершает облачение наперсный крест.

Сосо прошел так успешно, что его сразу зачислили в средний класс.

Мы были счастливы, от души благодарили Христофора, а вот Бесо неистовствовал. Сосо в следующий класс перешел первым учеником, но отца это не радовало. Работу он совсем запустил. Бывший опытный подмастерье Дата Гаситашвили ушел от него и открыл свое дело. Мастерская осталась на попечение неопытного подмастерья Вано Хуцишвили. Но он годился лишь на роль мальчика для мелких поручений: помогать по хозяйству, носить воду, подметать двор. Семья выстояла благодаря помощи Якоба Эгнаташвили. Крестный ни в чем не отказывал. После потери троих детей он выстоял, у него родились другие. Мне было так неловко зависеть от него при живом муже.

Бесо во всех бедах винил меня, утверждал, что если бы не мое упрямство, то Сосо вскоре стал бы гордостью амкарства<sup>1</sup>. Однажды, явившись в сильном подпитии, силой забрал Сосо к себе и поручил тачать сапоги. Я всех подняла на ноги. На моей стороне были братья, крестные, соседи. Я требовала вернуть сына. Бесо заупрямился: у мальчика-де явные признаки хорошего мастера и нечего терять время попусту.

Вмешались начальник учебного заведения Беляев, большинство преподавателей. Бесо сдался, но посчитав это своим позором, навсегда оставил семью.

\* \* \*

После ухода мужа нам пришлось трудно. Крестный по-прежнему щедро помогал. Его жена Мариам искренне жалела Сосо — ведь он был сиротой при живом отце. Эта сердобольная женщина часто присылала нам корзину полную провизии. Якоб и Мариам никогда ничем нас не попрекали, но гордость не позволяла мне быть на чужом иждивении. Я не чуралась ни-

---

<sup>1</sup> *Амкарство* — от грузинского слова «амкари», что означает «ремесленник». Так называлось объединение ремесленников одной профессии — явление характерное для многих стран и народов с незапамятных времен. Каждый подобный цеховой союз имел свой флаг, выносимый по торжественным случаям. На флаге имелось изображение святого покровителя ремесла. Члены амкарства соблюдали особые правила чести и взаимовыручки.

какой черной работы. Стала прачкой. Преподаватели с вниманием относились к моим трудностям. Особенно внимательным был ректор училища Беляев. Он, как я уже говорила, был добрейшим, скромным человеком, очень любил Сосо как первого ученика. Он послал ко мне свою супругу, с извинением попросил выстирать белье и предложил очень хорошую плату.

Кроме стирки я занялась шитьем. В доме крестного выстегала все одеяла. Получилось настолько хорошо, что заказы не заставили себя ждать. Вскоре я стала лучшей стегальщицей в Гори. Дальше — больше. Стала шить белье, потом платья. Одним словом, новая профессия стала спасательным кругом для моей семьи.

В ту пору две сестры Даро (Дареджан) и Лиза Кулиджановы организовали в Гори мастерскую по пошиву одежды. Наслышавшись о моем мастерстве, они пригласили меня, испытали и приняли на работу. Вскоре я стала искуснее этих сестер, но, в отличие от них, была малообразованной и об открытии мною самостоятельного дела не могло быть и речи. Семнадцать лет, не поднимая головы, проработала я в швейной мастерской. Меня ценили. Вначале платили по два гривенника<sup>1</sup> в день, затем — полтинник, четыре двугривенных<sup>2</sup>, а при срочных заказах или при работе в выходные дни не жалели шести двугривенных. Так я содержала моего маленького Сосо. Старалась делать все, чтобы не дать ему почувствовать безотцовщину.

\* \* \*

Из старых воспоминаний для меня самые радостные — это первые шаги Сосо. Несмотря на мои почтенные годы, я отчетливо помню ту пору и с радостью вспоминаю ее.

Как я упоминала, малыш очень любил цветы, особенно васильки и ромашки. Моя мама все время гуляла с ним, умывала родниковой водой. Как-то почувствовав, что ребенок силится шагнуть самостоятельно, она позвала меня, и мы вместе взялись за дело. Я с сыном присела у крыльца, бабушка отошла

---

<sup>1</sup> *Гривенник* — название дореволюционной разменной монеты достоинством в десять копеек.

<sup>2</sup> *Двугривенный* — название дореволюционной разменной монеты достоинством в двадцать копеек.

в сторонку и стала сорванной ромашкой манить и подзывать внука. Услышав знакомое слово «зизи» и увидев цветок, Сосо встрепенулся, глаза его загорелись, он протянул руки к цветку и повторил — «зизи». Бабушка продолжала махать ему ромашкой. Сосо напрягся, одной ручкой облокотился о мое колено и чуть приподнял ножку. «Зизи, зизи», — подбодрили мы его. Он на секунду задумался, загукал, отпустил меня и, шатаясь, сделал несколько шажков. Падая, уткнулся в подол платья бабушки. Мурлыча что-то свое, он с гордостью оглядел нас.

Настал мой черед. «Та, та!» — позвала я его, показывая яблоко. Не тут-то было. «Зизи» оказалось явно привлекательнее, чем «та-та». Ну, сорванец, подумала я, и решила действовать наверняка. «Сиси», — сказала я негромко, оголяя грудь. Малыш расцвел, то же самое расстояние он преодолел гораздо быстрее и заслуженно принялся за обед. Насытившись, он опять пришел в романтическое настроение и со словом «зизи» вернулся к бабушке.

Нашу идиллию прервал Фока. Он, оказывается, наблюдал за нами. Он от души хохотал над первыми шагами Сосо. Я смущенно прикрыла обнаженную грудь и с ребенком на руках поспешно ретировалась в дом. Бабушка выставила дань — бутылку чачи. Опустошив ее, Фока, выделывая ногами кренделя какого-то замысловатого танца, удалился.

С детским словечком «дундала» связано еще одно мое воспоминание.

Однажды нас пригласили на свадьбу. Мы взяли малыша с собой. Появились жених и невеста. Голову невесты украшал венец из цветов. Увидев цветы, Сосо тут же вцепился в них и начал стягивать венец с головы невесты. Жених, посчитав это плохой приметой, стал чернее тучи, невеста притихла от страха. Я отчитала малыша и попыталась разжать его ручонки. Не тут-то было. Он заголосил свое «дундала-дундала», и руки не разжимал. За малыша заступился крестный. Якоб рассмеялся, поцеловал ребенка и заметил, что если карапуз уже сейчас пытается похитить невесту, то что будет, когда он вырастет. Все развеселились, у жениха отлегло от сердца, невеста успокоилась, а Сосо довольствовался одним цветком, выдернутым для него из венца.

— Вот тебе твоя «дундала», — сказал крестный, передавая малыша с цветком нашему подмастерью Дате Гаситашвили, и мы вместе пошли домой.

Дата очень любил маленького Сосо. Однажды, прогуливаясь с ним, он встретил незнакомого русского. «Какой хороший саранчонок», — сказал незнакомец. Дата нахмурился. Безобидное слово «саранчонок» он посчитал ругательством и отмутузил обидчика. Дело дошло до суда, на котором Дата объяснил причину своего гнева. Судьи рассмеялись, и дело закончилось примирением сторон. Мировую, точнее мировое застолье, организовывал крестный. Он и тамадой был. Пришлось ему и это нелегкое бремя вынести.

Надо сказать, что Сосо в детстве действительно был щуплым, как саранча: плоть никак не нарастала на его кости. Сколько раз он был на грани выживания — не счесть.

Ему было около пяти лет, когда Бесо на праздник Преображения принес из города пару роскошных арбузов. Хотели, как это положено, вместе с другими фруктами освятить их в церкви. Бесо один арбуз разрезал на пробу. Арбуз оказался отменным. Сосо съел небольшой ломоть. Бесо его отругал: почему, мол, не дождался освящения. Малыш страшно обиделся и отказался идти с нами. Помолившись в церкви, мы освятили принесенные с собой фрукты и вернулись домой. Насупившийся Сосо по-прежнему торчал у входа, и никак не удавалось его уговорить пообедать со всеми. Бесо рассердился: пусть стоит. Тут в гости пришел крестный, но и тому не удалось уговорить ребенка.

Обед затянулся. Когда перешли к фруктам, дверь отворилась, вошел Сосо и закричал: «Плохие, плохие, плохие!..» Мы засмеялись. Крестный подошел к мальчику, взял его на руки, усадил за стол и положил перед ним целый арбуз. Долгое стояние на сквозняке сильно застудило малыша. У него начались судороги, он потерял сознание. Спасла нас проходившая мимо знахарка. Она смогла привести Сосо в чувство.

Помню второй несчастный случай; тогда Сосо уже учился. Утром я отправила сына на занятия целым и невредимым, а в полдень его принесли на руках. Оказывается, когда он возвращался домой, его окликнул знакомый. Мой сын повернулся, и в этот момент на него наехал фаэтон. Лошади чуть было не растоптали его. Сосо принесли без сознания... У меня началась истерика. В течение двух недель сын не проронил ни звука.

Храни бог фельдшера Ткаченко, который привел к нам доктора Любомудрова. Оба они ежедневно посещали больного,

утешали меня: молодой организм справится с бедой. Позже к ним присоединился доктор Сааков. Узнав о попавшем в беду ребенке, сам вызвался помочь. Впоследствии все трое отказались от вознаграждения. Три недели боролись они с недугом, спасли ребенка, подарили жизнь моему Сосо. Добрый доктор Сааков в день выздоровления подарил мальчику рубль на карманные расходы.

...Как я уже говорила, наша совместная жизнь с Бесо стала невозможной. Переселившийся в Тбилиси, оказавшись лишенным семейного уюта и любви сына, он понял опрометчивость своего поступка. Чтобы задобрить меня, высылал деньги на имя сына, а потом стал просить о примирении, обещал бросить пить. Узнав об этом, братья засуетились. Особенно старался Гио. Он и крестного привлек к этому. Одним словом, решили, что я должна пойти на уступки. Гио был категоричнее других. По его мнению, виновницей семейного разлада была я.

— Кеке, дорогая, — твердили братья, — тебя все осудят. Нельзя женщине быть одной. Ну что ты вцепилась в сына. Если Бесо не хочет обучать его грамоте, значит, так надо. Мы тоже малограмотные, но живем не хуже других. Пусть мальчик подчинится воле отца, обучится ремеслу, тем более что у него это хорошо получается. Да и Бесо, когда сын будет рядом, изменит свой нрав.

Я расплакалась, наотрез отказалась от примирения. Решила, что если для зарабатывания денег придется стать попрошайкой, то пойду даже на это, но сыну дам образование. Увидев такую решимость, крестный поддержал меня. А братья обиделись и неделю не разговаривали со мной. Они не могли понять, что требуемые уступки не отвадили бы мужа от пагубного пристрастия.

Да и как можно было отлучать сына от духовного училища! Он прекрасно учился, преподаватели в один голос хвалили его. Разве мать имела право лишать учебы такого одаренного ребенка в обмен на хорошие заработки будущего сапожника. Нет и нет. На полпути сына не брошу. Пока живу, не предам его, не возьму такой грех на душу.

Кроме отличной учебы Сосо преуспевал в пении в церковном хоре. Преподаватель Свимон Гогличидзе прочил мальчику будущее и на этой стезе. Видя усердие моего сына, я себе во всем

отказывала, лишь бы ему было хорошо. Он всегда был одет с иголки. Чтобы скрыть его худобу, я излишне укутывала его. Он ценил мою заботу, был сильно привязан ко мне, искренне любил меня. При виде пьяного отца глаза его наполнялись слезами, губы дрожали...

Шли годы. От Бесо не было никаких вестей. Я даже не знала, жив ли он. В какой-то степени меня это даже радовало. Ведь смогла же я своими силами вести хозяйство, самостоятельно поставить сына на ноги. Как-то до меня еще раз дошла просьба Бесо о примирении, но я была непреклонна.

\* \* \*

Сколько раз я просиживала ночи напролет у изголовья сына, мечтая о том времени, когда он станет взрослым, добрым молодцом. Сбылась моря мечта: сын повзрослел, стал гордостью училища и товарищей. По всем предметам у него были только отличные оценки, и он по праву считался лучшим учеником. Меня сердечно поздравляли с успешным окончанием сыном Горийского духовного училища. Его преподаватель Свимон Гогличидзе сетовал, что не сможет найти достойную замену Сосо в церковном хоре.

Однако мои мысли отныне были далеки от проблем хора. Я думала только о продолжении учебы, хотя знала, что в случае поступления в Тбилисскую Духовную семинарию ему придется покинуть меня. Все эти годы мы были неразлучны. Летом во время каникул его сверстники разъезжались кто куда. У нас же не было близких родственников, ехать было некуда. Так и проводили каникулярное время: я в хлопотах по хозяйству, он — с книгами.

В 1894 году Сосо окончил Горийское училище. Настало время думать о поступлении в семинарию. В ту пору семинарию охватили волнения. В результате круг поступающих был резко сужен. Принимали лишь членов семей священников. Я обнадежила сына — найдем выход. Обошла всех влиятельных преподавателей: Гогличидзе, Давыдова, Илуридзе. Все пообещали помочь, выдали сыну блестящие характеристики, составили необходимое ходатайство. Вооружившись такими бумагами, я и Сосо направились в Тбилиси.

\* \* \*

Сосо впервые в жизни покидал Гори. Поезд ему очень понравился. Не отходил от окна, на каждой остановке спрашивал: еще не доехали? Подъезжая к Тбилиси, он вдруг загрустил, даже слезы выступили на глазах. Я перепугалась. Он пояснил: как быть, если отец разыщет его, запретит учиться и заставит заниматься сапожным делом. Обняв сына, я успокоила его: пока, мол, жива, никому не позволю помешать его учебе.

В Тбилиси прибыли утром, часов в 11. Большой город произвел на сына неизгладимое впечатление. Он ко всему внимательно присматривался. Но не это было главным. Мне передались опасения сына по поводу возможной встречи с Бесо. Сердце с тревогой билось. Про себя решила, что, если неожиданно столкнусь с ним и он попытается отнять сына, закричу, позову на помощь городского, прохожих. Умру, но сына не отдам. Страхи оказались напрасны. Обошлось.

По прибытии в город, не желая беспокоить дальних родственников и знакомых, мы занялись поиском жилья. Это оказалось нелегким делом. Чаще попадалось жилье, которое нам было не по карману. Только ближе к вечеру, в верхней части города, близ церкви Анчисхати<sup>1</sup> подошли к одному дому, двери которого открыла армянка. Женщина была одна, так как ее домочадцы временно отбыли в деревню, и рада была всем, кто мог бы скрасить ее одиночество. В этом доме мы прожили три недели. Так случилось, что за это время хозяйка вышла замуж. Когда пришло время расплачиваться, она наотрез отказалась взять деньги. Она считала, что вместе с нами в ее дом вошел добрый ангел, осчастлививший ей замужеством. Поэтому она считала, что не мы, а она сама была в долгу.

---

<sup>1</sup> *Анчисхати* — первоначальное название: церковь Рождества Девы Марии. Является самой старой церковью в Тбилиси, сохранившейся до наших дней. Постройка датирована первой половиной VI в. Позднее, в XVII в., получила название Анчисхати (Анчийская икона) в честь перенесенной сюда из Анчийского кафедрального собора иконы Спасителя. Во время нашествий персов и турок разрушалась и восстанавливалась несколько раз. В советский период служила музеем. С 1989 г. базилика Анчисхати снова является действующим храмом.

Настало время заняться вопросами семинарии. Зная о преподавах, стала искать пути их преодоления. В Тбилиси жила одна дальняя родственница, на помощь которой я очень надеялась. Звали эту женщину Като. Муж ее Иванэ Касрадзе был простым столяром. Като нас приняла радушно, обнадежила и, как оказалось, она имела на это основания.

Дело в том, что в этом же доме жил священник — некто Чагунава, влиятельный сотрудник духовной семинарии. Като поступила хитро и решила действовать через жену священника — Маку. Рассказав Маке о нашей тяжелой жизни, об исключительных способностях Сосо, познакомила нас с ней. Маке Сосо понравился. Обещала похлопотать за него. Поведав мужу о нас, стала упрашивать его о помощи.

После знакомства с нами и разговора с Сосо священник тоже дал обещание похлопотать. Он оказался человеком слова. На другой же день поговорил с семинарскими преподавателями, объяснил им, что помощь нужна только в допуске к экзаменам, а дальнейшее будет зависеть от знаний поступающего. Руководство семинарии дало согласие. Нашей радости не было границ.

До экзаменов оставалось две недели, и я спросила Като: как отблагодарить Маку ее за неоценимую помощь? К счастью, оказалось, что Мака искала стегальщицу для своих многочисленных одеял. Вот удача, подумала я, и взялась за дело. Жена священника пришла в восторг от моего мастерства и предложила щедрую плату. Разумеется, я отказалась от вознаграждения.

Начались экзамены. Я очень волновалась. Чагунава внимательно следил за моим сыном. Через три дня Като сообщила, что сложнейшие предметы Сосо сдал так успешно, что руководство семинарии решило зачислить его на частичное государственное обеспечение. Мне предложили вернуться в Гори и позаботиться лишь о деньгах на оплату одежды семинариста. Я была на седьмом небе от счастья.

Радостная, вернулась домой и принялась за выполнение многочисленных заказов. Моей целью было заработать сто рублей на покупку обновок для сына. Внезапно, через пару дней получила телеграмму от Маки: успехи Сосо при сдаче остальных экзаменов настолько впечатляющи, что он зачислен на полное государственное обеспечение.

Через месяц, увидев сына в новенькой одежде семинариста, я не сдержала слез радости. Вот так осчастливил нас совершенно незнакомый человек — священник Чагунава.

На первых порах мне было весьма тяжело от одиночества. Постоянно плакала по ночам. Расставание с сыном стало для меня тяжелым испытанием. Никак не могла привыкнуть к тишине пустого дома. Купила простые гиревые часы-ходики, их тиканье немного успокаивало меня. Для меня не имело значения, правильно ли идут они, какое время показывают. Достаточно было каждое утро, подтягивая гири, запускать часы и слышать тиканье механизма. Сосо понимал меня. Поэтому регулярно, в неделю два раза посылал мне письма. Успокаивал, приободрял. Каждое письмо добавляло мне годы жизни. Я засыпала, обнимая их, а утром перечитывала. Расцеловав каждое письмо, заворачивала все письма в платок, чтобы вечером, вернувшись с работы, перечитывать их заново. Я воочию представляла своего сына, будто он по-прежнему стоит рядом и обнимает меня.

Сосо и в семинарии учился хорошо. Я с нетерпением ожидала Пасхи и Рождества, когда он приезжал на двухнедельные каникулы. Видно было, как меняется со временем мой сын. Безусый юноша на глазах превращался в доброго молодца. Я не верила своим глазам: неужели это тот мальчуган, которого я растила, зарабатывая на жизнь швейной иглой и наперстком. Помню, во время приезда на Рождество он привез мне горсть сахара из своего семинарского пайка. Этот гостинец так обрадовал меня, что крохотными порциями я угощалась долгое время.

В первые свои приезды сын оставался таким же ласковым и внимательным, как и в детстве. Но спустя какое-то время, приехав на каникулы, он начал сторониться меня, мало что рассказывал. Чаще стал отлучаться из дома. Вокруг меня шептались, ничего недоговаривая конкретно, но в конце концов откровенно сказали: Сосо стал бунтовщиком.

Я пришла в ужас. Ведь бунтовщики вечно гонимые люди. А я тайно верила, что мой сын будет епископом. Быстро собравшись, я выехала в Тбилиси. Сын встретил меня сердито. Тебя, мол, не касается, что я делаю. Это была первая грубость, которую он позволил по отношению ко мне.

— Сынок, — взмолилась я, — не губи меня. Тебе не победить царя, пусть бунтуют другие. Одумайся.

Сосо, пересилив себя, попытался меня успокоить. Сказал, что бунтовщики по тюрьмам сидят, а он, мол, в семинарии учится. С этими словами он обнял меня, вытер мои слезы и отправил домой.

К сожалению, соседи оказались правы. Сосо избрал другой путь. На семинарии им был поставлен крест. Теперь его можно было видеть в основном среди рабочих. Меня совсем забыл. Кончилось все тем, что мне сообщили: Сосо арестован, сидит в тюрьме Метехи. Я отправилась в Тбилиси. Мне казалось, что тюремное начальство не устоит перед убитой горем матерью и мне отдадут моего мальчика.

Поездка с самого начала не сложилась. Сразу по приезде из какого-то подвала выскочил пьяный Бесо и преградил мне дорогу. Я развернулась и пошла в обратную сторону. Не тут-то было — он, осыпая меня бранью, кинулся вслед. Ты такая-сякая, кричал он, если не могла воспитывать, чего забирала сына? Он что, хочет перевернуть мир? Разве не знает, что этого не простят... Ты погубила и его, и меня. Если бы не твое упрямство с учебой, он уже был бы устабаш<sup>1</sup>. Зачем мне сын-разбойник. Я сам прикончу его, расправлюсь с позорником.

Чего еще только Бесо не наговорил. Угрожал, кричал, как полоумный. Собралась толпа. Но я ему спокойно сказала, что сын мой и мне он нужен, каким бы ни был.

В Метехи меня до сына не допустили. Однако он умудрился при содействии одного человека передать мне, чтобы я не беспокоилась, что у него все в порядке и он скоро выйдет. Так было всегда и впоследствии. Когда приходила беда и его арестовывали или ссылали, он находил возможность дать о себе знать, успокоить меня.

Теперь все несчастья позади. Имя моего сына известно всей стране. Он здоров, и это меня радует. Какое счастье — исполнить задуманное и стать покровителем всех притесненных. Жаль, Бесо не видит нашу гордость. Мой сын очень загружен, но и сейчас не забывает меня. Как только выкроит свободную минуту, приободряет меня. Вот снова прислал весточку: фото

---

<sup>1</sup> *Устабаш* — не просто ремесленник высшей категории, но и авторитетный глава целого рода амкари, цехмейстер.

Нателы<sup>1</sup>. А я ему ореховое варенье послала. Фото внучки я на груди пригрела. Благодаря сыну я вижу сладкие сны, зная, что есть кому меня оплакивать после смерти.

## ВОСПОМИНАНИЯ СВЕРСТНИКОВ СОСО ДЖУГАШВИЛИ

### Д. ГОГОХИЯ На школьной скамье

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва.

Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости — памятника Средневековья.

В старом Гори было около восьми тысяч человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское четырехклассное училище, духовное четырехклассное, учительская семинария и женская прогимназия.

В этом городе в семье сапожника Виссариона Джугашвили в 1879 году родился мальчик, которому дали имя Иосиф.

В 1890 году, поступив в Горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мингрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной.

Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

---

<sup>1</sup> *Натела* — имеется в виду Светлана Аллилуева, дочь И. В. Сталина и Надежды Сергеевны Аллилуевой. В грузинской ономастике имя Натела ассоциируется с «натели», что означает «свет», как в славянской — Светлана.